

ЕЛЕНА ЛЕВКИЕВСКАЯ

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

## ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕКСТЫ В ТРАДИЦИОННОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ УКРАИНЦЕВ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В похоронной традиции в селах Терсянско-Еланского украинского анклава (Самойловский район Саратовской обл.) до сих пор практикуется неформальное «народное отпевание» покойников, совершаемое помимо официального отпевания священником<sup>1</sup>. Покойника «отпевают» группы пожилых женщин (3–7 человек), во главе с читалкой, читающей над покойником Псалтырь и дающей указания певчим, какие песнопения следует исполнять в тот или иной момент погребального обряда. Такая форма религиозной деятельности называется «ходить по покойникам» или «читать по покойникам». Самойловская традиция «народного отпевания», возникшая, вероятно, в советское время из-за недоступности канонического церковного обряда (это предположение нуждается в дополнительном изучении), не является уникальным региональным феноменом, а представляет собой вариант более обширного явления, зафиксированного в разных регионах России, в том числе на территории Поволжья<sup>2</sup> и обладающего несомненным типологическим, а иногда и терминологическим сходством. Можно вспомнить, например, близкий по структуре владимирский погребальный обычай, на-

<sup>1</sup> Е.Е. Левкиевская, «Народное отпевание» в Самойловском районе Саратовской области // А.Д. Соколова, А.Б. Юдкина (сост.), *Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре*, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва 2015, с. 10–35.

<sup>2</sup> Е.Л. Сверлова, *Погребальные духовные стихи Саратовского Поволжья как открытая полистилевая жанровая система. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения*, Саратовская государственная консерватория, Саратов 2006, с. 56–92.

зываемый «ходить по покойнику»<sup>3</sup>, смоленский похоронный обряд, сочетающий исполнение плачей и духовных стихов<sup>4</sup>, свидетельства о существовании «народного отпевания» на территории Калужско-Брянского пограничья<sup>5</sup>, Урала<sup>6</sup> и Сибири<sup>7</sup>.

Особый интерес представляет корпус текстов, используемых для «отпевания» и сохраняющихся у певчих в специальных тетрадах. За время работы экспедиции в 2012–2016 гг. было найдено пять комплектов таких тетрадей, полученных от Людмилы Леонтьевны Лёвиной (1941 г.р., п. Самойловка), Любови Васильевны Троценко (1936–2016 гг., с. Ольшанка), Александры Петровны Степановой (1930 г.р., с. Криуша), Татьяны Дмитриевны Штурбавиной (с. Еловатка, 1934 г.р., передала ее дочь Любовь Петровна Трифонова), Нины Петровны Тищенко (с. Ольшанка). В нашей коллекции также имеется тетрадь из другого украинского анклава, полученная во время экспедиции 2015 г. в Богучарский район Воронежской обл. от Прасковьи Кирилловны Михайловой (с. Дьяченково), что дает возможность для сравнения этих двух островных украинских традиций.

Все известные нам «отпевальные» тетради схожи между собой как в жанровом отношении, так и по составу текстов, значительный корпус которых является для них общим, хотя полностью не совпадает. Отчетливо выделяются три основных жанровых слоя. Во-первых, это фрагменты канонических богослужебных текстов, включающие в себя ирмосы *Последования по исходе души от тела*, фрагменты пасхальной заутрени (в том числе

<sup>3</sup> Н.Ю. Данченкова, *Деревенский обычай «ходить по покойнику». Мирская православная традиция молений об умерших (Владимирская область)* // Н.Ю. Данченкова (ред.), *Религиозный опыт народной культуры. Образы. Обычаи. Художественная практика*, Государственный институт искусствознания, Москва 2003, с. 173–225.

<sup>4</sup> *Смоленский музыкально-этнографический сборник*, т. 2, О.А. Пашина, М.А. Енговатова (ред.), *Похоронный обряд. Плачи. Поминальные стихи*, Российская Академия музыки им. Гнесиных, Москва 2003, с. 123–151.

<sup>5</sup> С.С. Косятова, *Русские народные духовные стихи Калужско-Брянского пограничья. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения*, Московская государственная консерватория, Москва 2012, с. 62–87.

<sup>6</sup> О.Л. Юровская, *Поэтика похоронно-поминальных духовных стихов горнозаводских районов Челябинской обл.*, «Вестник Челябинского педагогического университета» 2014, № 6, с. 279–301.

<sup>7</sup> Е.И. Жимулева, *Православные песнопения в народных похоронно-поминальных обрядах*, «Гуманитарные науки в Сибири» 2008, № 4, с. 138–143.

пасхальный тропарь), а также отдельные короткие молитвы, расположенные в разных частях тетрадей и по-разному инкорпорированные в структуру «отпевания». Во всех богослужебных текстах церковнославянский язык передается средствами русского языка, при этом характер ошибок, сделанных в трудных для понимания местах, показывает, что это или записывалось со слуха или (что более вероятно) переписывалось из письменного первоисточника человеком, не владевшим церковнославянским языком и не понимавшим смысла многих фрагментов текста. Сравним, например, запись 8-го ирмоса в тетради Лёвиной: «В седмерицею пещь холдейский мучитель, Богочестивым не из того раже, силою же лучшего спасения всея видав» (в каноническом тексте: «Седмерицею пещь халдейский мучитель, богочестивым не истовно раз жже, силою же лучшею спасены сия видав»). Канонические православные песнопения из *Последования по исходе души от тела* помещены в начале тетрадей (ими начинается «отпевание») и являются смысловым и музыкальным эталоном для текстов других жанров, дополняющих заупокойную службу. Такой принцип организации народного «отпевания» описан и в других традициях, например, в сибирской<sup>8</sup>.

Во-вторых, основную часть тетрадей составляет обширный круг «младших» духовных стихов (силлабо-тонического стихосложения), по большей части восходящих к старообрядческой традиции (т.н. покаянные стихи), например: *Господи, помилуй, Господи, прости, С другом я вчера сидел, Ой, вы братья мои, сестры*, встречающийся в разных современных религиозных сборниках и на дисках. Мы пока не проводили глубокого текстологического сравнения духовных стихов Терсянско-Еланского анклава с подобными текстами, функционирующими в погребальной обрядности других восточнославянских ареалов, но при беглом сопоставлении можно заметить, что корпус «отпевальных» стихов Саратовского Поволжья, в том числе и интересующего нас региона, по своему составу гораздо ближе соответствующим текстам Урала и Сибири, чем кругу «отпевальных» духовных стихов центральных областей России. Можно предположить, что эта часть традиции старообрядцев, изгнанных на периферию страны (которой в XVII–XVIII вв. была и Саратовская

<sup>8</sup> Там же, с. 139.

обл.), была усвоена окружающим населением, независимо от его национального и конфессионального состава, и приспособлена для погребального обряда, тогда как в центральных областях закрепился собственный состав стихов (в частности, *О Егории Храбром, О бедном и богатом Лазаре*).

В-третьих, в «отпевальных» тетрадях содержатся авторские литературные тексты XIX–XX вв., в разное время попавшие в русскую устную культуру (в частности, стихи Николая Гоголя *К тебе, о Мати Пресвятая, дерзаю вознести свой глас*, Юлии В. Жадовской *Молитва*, Алексея Н. Плещеева *Был у Христа-младенца сад*, песня иеромонаха Романа Матюшина *Соловей*, песня Александра Н. Вертинского *Ваши пальцы пахнут ладаном* и др.). Все тексты, включая и канонические богослужебные (написанные на церковнославянском языке), в соответствии с украинской традицией называются «канта́ми» (в Богучарском районе подобные тексты именуются «са́льмами»). Единственный собственно украинский духовный стих *Ой, смертонька мылостыва, / Чего ж мини ни звистьш [...]*, имеющийся в тетради Лёвиной, записан в соответствии с русской орфографией, как и остальные нецерковные «канты».

Когда и каким образом в Самойловском анклавe сформировался актуальный в настоящее время корпус «отпевальных» стихов русского происхождения, существовала ли до этого собственно украинская традиция похоронных песнопений, которую вытеснили русские тексты, а если да, то что именно она из себя представляла — причитания или духовные стихи, — на эти вопросы у нас пока нет определенного ответа. Однако, согласно свидетельству Татьяны Васильевны Софроновой (1928 г.р., п. Самойловка), которая в детстве оставшись сиротой, служила поводырем у семьи слепцов, исполнявших «канты» ради подаяния в 30–40-х гг. XX в., это были уже русские духовные стихи. Из репертуара слепцов она вспомнила два «канта»: «Напой, самарянка, холодной водой / Страдальца, который стоит пред тобой[...]» (*Агасфер*) и «Христос с учениками из храма выходит / Пред крестною смертью своей [...]» (*Страшный суд*), что косвенно свидетельствует о проникновении русского корпуса этих текстов в традицию украинского анклава еще в довоенное время, однако «отпевание» в эти годы, как можно судить по свидетельству других информантов, совершалось религиозными специалистами еще по имевшимся у них каноническим церковным

изданиям<sup>9</sup>. Исследование круга духовных стихов, сопровождающих погребальный обряд у русских Саратовского Поволжья, проведенное Еленой Л. Сверловой, свидетельствует о том, что в этой сфере похоронная традиция Терсянско-Еланского анклава утратила свою украинскую аутентичность и приобрела общие региональные черты, свидетельством чему является значительное число общих «отпевальных» текстов у русских и украинцев Саратовской обл. Сюда, в частности, относятся такие стихи, как: *Спи, моя милая мама, На всех солнце светит, Все живем на этом свете, Сегодня настанет мой праздник, Ты не пой, соловей, С другом я вчера сидел* и др.

Как видно из этого краткого обзора «отпевальных» тетрадей, они содержат весьма пестрый и разнородный по происхождению круг текстов, которые (за исключением канонических) первоначально вовсе не были предназначены для погребальных целей. Однако будучи вписанными в структуру отпевания, они образовали смысловое единство, подчиняясь общей прагматической задаче — правильно проводить умершего в «иной мир», канализировать скорбь родственников в ритуальное русло, транслировать для живых систему представлений о смерти как отделении души от тела и ее предстоянии перед Богом в ожидании суда и скорби о своей грешной жизни.

Можно выделить, по крайней мере, четыре механизма, которые способствуют трансформации текстов, попадающих в разряд «отпевальных», и их подчинению смыслу погребального обряда. На первый, наиболее очевидный механизм, связанный с музыкальной стороной исполнения, при котором первоначальный напев, присущий данному стиху или песне, меняется на особый «отпевальный», мы лишь укажем, сославшись на работы этномузыковедов, в частности Екатерины И. Жимулевой<sup>10</sup>. Общий музыкальный стиль исполнения организует и подчиняет единому замыслу разнородные по происхождению и метрике стихи, превращая их в «отпевальный» чин.

Второй механизм, который «втягивает» тот или иной текст в «отпевальную» традицию, — не только и не столько тема смерти, сколько наличие ключевых слов и мотивов, выполняющих

<sup>9</sup> Е.Е. Левкиевская, «Просто несли веру христианскую в массы» (сакральные специалисты советского времени в украинском анклаве Саратовской обл.), «Живая старина» 2014, № 1, с. 50–53.

<sup>10</sup> Е.И. Жимулева, *Православные песнопения...*, с. 127–151.

роль маркеров и позволяющих переосмыслить текст в нужном русле, даже если первоначально он имел совершенно другой смысл. К числу таких маркеров относятся: смерть, душа, грех, молитва, расставание/разлука, слезы, скорбь, а также мотивы расставания души с телом, раскаяния в грехах, Божьего суда. и др. Адаптация отдельного текста в общем чине «отпевания» является тем самым случаем, когда контекстуальное окружение влияет на текст и изменяет его интерпретацию носителями традиции, не изменяя (или почти не изменяя) самого текста. Примером того, как литературные стихи, втягиваясь в круг «отпевального» репертуара, приобретают новые коннотации, может служить «кант» из тетради Лёвиной: *Ударил час и нам расстаться*, расположенный в тетради между текстом, обращенным к святителю Николаю (*Прошу тебя, Угодник Божий, Святой Великий Николай [...]*) и *Кантой матери* («Спи, наша милая мама, / В глубокой могиле своей [...]):

Ударил час и нам расстаться<sup>11</sup>,  
 Быть может должно навсегда  
 Нельзя ни плакать не терзаться  
 Бог весть увидимся когда.  
 Быть может завтрешней зарею  
 Приду на гроб, на гроб унылый  
 Приду поплакать погрустить  
 Слеза же каплей на могилу [...].

Нам не удалось точно атрибутировать этот текст, однако, как можно судить по ряду источников, в его основе лежит салонный романс рубежа XVIII–XIX вв., модный в первой четверти XIX в. В частности, он упоминается в числе сентиментальных элегий о любви и разлуке, которыми, по воспоминаниям Александры В. Щепкиной, в девичестве увлекалась мать Михаила Ю. Лермонтова Мария М. Арсеньева:

Ударил час и нам расстаться  
 Быть может, должно навсегда!  
 Ах, нельзя ль не плакать, не терзаться,  
 Бог весть увидимся ль — когда!<sup>12</sup>

<sup>11</sup> Тексты из «отпевальных» тетрадей приводятся в соответствии с орфографией и пунктуацией оригинала.

<sup>12</sup> Н.Л. Бродский, М.Ю. Лермонтов. *Биография*, т. 1. 1814–1832, Гослитиздат, Москва 1945, с. 8.

Более ранний вариант приводится в романе Дмитрия С. Мережковского *14 декабря (Николай I)* (1906 г.), где он также характеризует круг поэтических интересов уездной барышни 20-х гг. XIX в.:

Уж пробил час и нам расстаться  
 Быть может, должно навсегда!  
 Ах, лъзя ль не плакать, не терзаться?  
 Бог весть увидимся ль когда<sup>13</sup>.

Хронологической границей употребления наречия «лъзя» 'можно' без отрицательной частицы можно считать рубеж XVIII–XIX вв. (один из последних литературных текстов с этим словом – *Лизе. Похвала розе* Гавриила Р. Державина 1802 г. — «Коль красу где восхваляют, / Лъзя ли розой не назвать»), позже которого данный романс, скорее всего, не мог быть написан. Таким образом, стереотипные для сентиментальной и романтической поэзии мотивы расставания возлюбленных, смерти одного из них, оплакивания возлюбленного на его могиле (сравните у Пушкина в *Каменном госте*: «Когда сюда, на этот гордый гроб пойдете кудри наклонять и плакать [...]») послужили маркированными знаками, достаточными для включения этого романса в контекст «народного отпевания», в котором расставание возлюбленных было переосмыслено как расставание покойного с живыми родственниками и их скорби на его могиле. О значительном влиянии жанра городского романса на корпус погребальных текстов в русской традиции Саратовского Поволжья упоминает и Елена Л. Сверлова<sup>14</sup>.

Третий механизм можно считать углубленной разновидностью второго — в этом случае инкорпорирование стихов в состав «отпевания» также происходит на основе ключевых концептов и мотивов, но здесь происходит значительная переработка текста, приближающая смысл «канта» к общему замыслу «отпевания» в основном за счет сокращения строф и изменения отдельных строк. Рассмотрим подробнее этот случай на примере «канта» *О горе, горе мне великое*, который записан в «отпевальной» тетради Левиной в следующем виде:

<sup>13</sup> Д.С. Мережковский, *14 декабря (Николай I)*. б/м. 1918, с. 10.

<sup>14</sup> Е.Л. Сверлова, *Погребальные духовные стихи Саратовского Поволжья...*, с. 87.

С другом я вчера сидел  
 Ныне смерти зрю предел  
 О, горе, горе мне великое (в дальнейшем рефрен для краткости опускаем).  
 Плоть мою во гроб кладут,  
 Душу же на суд ведут  
 Милости не будет там  
 Коль не миловал я сам  
 Верна друга нет со мной  
 Скрылся свет хранитель мой  
 Мимо царства прохожу  
 Горько плачу и гляжу  
 Царство горне слезно зрю  
 И пригорько говорю:  
 О, горе, горе мне великое  
 Царство свято дом святой  
 Грешных не приемлешь ты  
 Ты прости прекрасный рай  
 Во иной иду я край  
 Вечно не узрю тебя  
 В бездну я изверг себя  
 Весь я в пламене стою  
 Песнь плачевную вопию  
 Я во веки не сторю  
 Бога свята не узрю  
 Смолу и огонь пию  
 За пригорду жизнь мою  
 Как на сем я свете жил  
 Крепко Бога прогневил  
 Дней воскресных я не чтил,  
 Во грехах дни проводил  
 Бога в суете призывал  
 Страшный суд позабывал  
 Я не чтил отца и мать  
 Всех старался раздражать  
 Ничему не веря жил  
 И как скверный пес ходил  
 Всякий грех творил стократ  
 Райских не искал палат  
 Все законы приступил  
 Крайний богохульник был  
 Каяться я не хотел  
 Бога в сердце не имел  
 Поруган не будет Бог  
 Всем он сломит гордый рог  
 По делам воздаст всем он  
 Нарушающим закон.

Это довольно популярный духовный стих, который входит в чин «народного отпевания» в других региональных традици-



ях, в том числе у русских Саратовского Поволжья— в коллекции Сверловой приведены тексты из Петровского, Базарно-Карабулакского и Калининского районов (последний граничит с Самойловским). Варианты этого стиха часто встречаются в современных собраниях старообрядческой духовной поэзии, в том числе на дисках и сайтах религиозной музыки.

При всей своей естественной вариативности, современные разновидности этого стиха обладают общим набором темных мест, которые не позволяют правильно понять содержание. Первая неясность содержится в второй строке: «ныне смерти зрю предел». Предел означает «конец, крайняя граница или степень чего-либо», однако о каком конце смерти может идти речь, если человек умирает, а смерть вступает в свои права? Второе противоречие связано с мотивом непонятно куда исчезающего друга: «Верна друга нет со мной / Скрылся свет хранитель мой» (в русском варианте из с. Первомайское Калининского района: «Скрылся ц в е т хранитель мой»<sup>15</sup>), однако дальше о судьбе этого друга ничего не говорится. В данном случае слово «свет» воспринимается как эпитет этого друга, его ласковое обозначение. Необъяснимое исчезновение друга каким-то образом связано со смертью самого героя, от лица которого ведется повествование и который раскаивается в своих многочисленных прегрешениях, констатируя, что вместо рая он обречен на муки в аду.

Наиболее ранний из известных нам вариантов этого духовного стиха содержится в рукописи 1884 г. из известного старообрядческого села Ветки (ныне районный центр Гомельской обл.), образованного во второй половине XVII в. Коротко укажем, что в 1764 г. значительная часть ветковских старообрядцев была насильно выселена на Алтай, куда принесла корпус своих духовных стихов, в том числе и *О горе мне смертное*. Приводимый в рукописи 1884 г. текст, во-первых, гораздо пространнее, чем поздние варианты, во-вторых, он снабжен красноречивым заголовком, позволяющим прояснить загадочное исчезновение друга и влияние этого факта на посмертную участь героя: «Во время то, когда убил брат брата. Каин Авеля»<sup>16</sup>. Таким образом, перед нами покаяние Каина, а загадочный «друг» — убитый им брат Авель. Ветковская рукопись позволяет увидеть, какие

<sup>15</sup> Там же, с. 90.

<sup>16</sup> С.И. Леонтьева, Г.Г. Нечаева (ред.), *Книжная культура. Ветка*, Белорусская энциклопедия, Минск 2013, с. 472–473.

именно фрагменты стиха были изменены и редуцированы, чтобы его смысл соответствовал целям «отпевания». Из данной рукописи становится понятной изначальная семантика второй строки: «Ныне зрю смерти придел». Придел — часть или боковая пристройка храма, где расположен дополнительный алтарь, поэтому Каин говорит, что он видит перед собой пространство, где властвует смерть, а вовсе не ее конец. Авель же, как невинно убиенный, уходит в рай, то есть «в свет»: «Скрылся в свет хранитель мой» (ср. булгаковское: «Он не заслужил света, он заслужил покой»). Рукопись 1884 г. содержит признание в главном грехе — братоубийстве, совершенно исчезнувшее в поздних вариантах стиха: «В душегубстве виноват / От мене убит мой брат [...]». Поскольку в современных текстах тема братоубийства полностью отсутствует, исчезло и указание на проклятость Каина: «Царство светлый дом святых / Не приемлет проклятых [...]», которое было заменено на общую для «отпевальных» текстов мысль о недоступности рая для грешников: «Царство свято дом святый / Грешных не приемлешь ты [...]». Этот краткий анализ показывает, как за прошедшее столетие происходила переработка стиха, ныне утратившего всякую смысловую связь с темой Каина и Авеля.

Четвертый механизм, позволяющий превратить изначально не богослужебный текст в элемент «отпевания», — включение в него известных православных молитв. Ирмосы заупокойного канона и пасхальная заутреня представлены в тетрадах в виде самостоятельных глав, тогда как краткие, наиболее распространенные и потому наиболее легкие для запоминания церковные песнопения (например, *Трисвятое* или *Вечная память*), могут свободно вставляться в структуру не богослужебных текстов в качестве рефрена или припева, в частности, в стихи, попавшие в традицию из современной авторской религиозной поэзии. Именно так в тетради Лёвиной используется *Трисвятое* в песне, приписываемой архидиакону Роману Тамбергу (разумеется, в авторском тексте оно отсутствует):

Дайте крылья, дайте волю,  
Крылья волю развязать,  
Я заброшенную долю  
Полечу ее искать.

Припев:

Святыи Боже, Святыи крепкий, святыи бесметный (*sic!*) помилуй нас.

## ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕКСТЫ...

Использование *Трисвятого* в текстах похоронного обряда, в частности, в «отпевальных» духовных стихах отмечено и в других региональных традициях, например, в смоленской<sup>17</sup> и сибирской, где эта молитва может включаться в духовный стих *На всех солнце светит, на меня уж нет*<sup>18</sup> — в Терсянско-Еланском анклав этот стих присутствует в структуре «отпевания» как с Трисвятым (в тетради Штурбавиной), так и без него (в тетради Левиной). Очевидно, что инкорпорирование канонической молитвы в нелитургические тексты, является одним из механизмов, позволяющих не только их сакрализовать, но и придать новые смыслы, включающие их в тематику похоронного обряда.

Краткое описание найденных за последние пять лет в Терсянско-Еланском анклав «отпевальных» тетрадней показывает, из какого «подручного материала» и с помощью каких механизмов традиция «выращивает» собственные религиозные формы в ситуации, когда обращение к каноническим церковным институтам оказывается невозможным.

Jelena Lewkijewska

### TEKSTY LITERACKIE W TRADYCYJNYM OBRZĘDZIE POGRZEBOWYM UKRAIŃCÓW Z OBWODU SARATOWSKIEGO

#### Streszczenie

Artykuł dotyczy jednego z aspektów ludowego, niekanonicznego nabożeństwa nad trumną jako części obrzędu pogrzebowego praktykowanego przez ludność ukraińską zamieszkującą na terytorium obwodu Saratowskiego. Jest to zbiór specyficznych tekstów sakralnych, wykonywanych przez kobiety w podeszłym wieku. Analiza zawartości i pochodzenia tych przekazów pokazuje, że niektóre z nich są fragmentami nabożeństwa prawosławnego, a część ma pochodzenie literackie.

<sup>17</sup> *Смоленский музыкально-этнографический сборник...*, с. 147.

<sup>18</sup> Е.И. Жимулева, *Православные песнопения...*, с. 139–140.

Elena Levkieskaya

THE LITERARY TEXTS IN THE TRADITIONAL FUNERAL RITUAL  
IN UKRAINIAN ENCLAVE OF SARATOVSKAYA DISTRICT

Summary

The paper is devoted to the aspect of the folk non-formal “burial service” in the modern funeral ritual in Ukrainian enclave of Saratovskaya district (middle Volga region). The actual “burial service” is the collection of specific sacral texts performed by the groups of elderly women. The paper analyses the texts complete and origin. Some of these are the extracts from Orthodox divine service, but some are the Russian author’s secular works which were adopted into the folk tradition of the Ukrainian enclave with different transformations.